

Гилберт Кийт Честертон,
английский христианский мыслитель,
журналист и писатель конца
XIX – начала XX веков

«ДРАКОЧОВА БАБУШКА»

Для тех, кто не верит в сказки

Недavno я видел человека, который не верит в сказки. Я говорю не о том, что он не верит в происшествия, о которых говорится в сказках, – например, что тыква может стать каретой. Конечно, он и в это не верил; но, как все подобные ему маловеры, никак не мог разумно объяснить, почему. Он попытался сослаться на законы природы, но запутался. Тогда он сказал, что обычно тыквы не меняются и все мы на практике полагаемся на это.

Однако я указал ему, что это применимо не только к чудесам, но и ко всем маловероятным событиям. Если бы мы были уверены в чуде, мы бы не обратили на него вни-

мания. Всё, что случается очень редко, мы не принимаем в расчёт независимо от того, чудесно это или нет. Я не думаю, что вода в стакане превратится в вино; точно так же я не думаю, что в ней окажется яд.

Заходя к издателю по делу, я не думаю, что он эльф; точно так же я не думаю, что он русский шпион или потерянный наследник Священной Римской империи. Действуя, мы исходим не из того, что привычный порядок вещей неизменен, а из того, что обычные происшествия случаются много чаще и полагаться на них вернее. Но это ничуть не мешает поверить обстоятельным рассказам о шпионах или о тыквенной карете.

Конечно, если я увижу своими глазами, как тыква превращается в автомобиль, я не стану ожидать, что это случится снова. И не стану вкладывать деньги в тыководство, чтобы содействовать автомобильной промышленности. Золушка получила платье от феи, но я не думаю, что с тех пор она перестала шить себе платья.

И всё же, как это ни странно, многие уверены, что сказочных чудес не бывает. Но тот, о ком я говорю, не признавал сказок в другом, ещё более странном и противоречивом смысле. Он был убежден, что сказки не нужно рассказывать детям. Такой взгляд (подобно вере в рабство или в право на колонии) относится к тем неверным мнениям, которые граничат с обыкновенной подлостью.

Есть вещи, отказывать в которых страшно. Даже если это делается, как теперь говорят, сознательно, само действие не только ожесточает, но и разлагает душу. Так отказывали в молоке молодым матерям, чьи мужья воевали против вас. Так отказывают детям в сказках.

Человек этот пришёл ко мне по делам какого-то глупого общества, чьим верным членом я состою. Он был молод, румян, близорук, словно заблудший священник, который слишком беспомощен, чтобы вернуться к церкви. На его поразительно длинной шее красовался ярко-зелёный галстук. Надо сказать, я то и дело встречаю длинношеих идеалистов – должно быть, они тянутся к звёздам.

А может, это связано с тем, что многие из них – вегетарианцы и хотят постепенно вытянуть шею, как жираф, чтобы объедать деревья в Кенсингтонском саду. Не

знаю; это – и в прямом, и в переносном смысле – выше моего понимания. Как бы то ни было, именно таким был молодой противник сказок; и по забавному совпадению он вошёл как раз в ту минуту, когда я, просмотрев кипу современных романов, естественно перешёл к сказкам братьев Grimm.

Современные книги стояли передо мной; надеюсь, вам нетрудно угадать их заглавия. Была тут «Провинциальная Сью» (психологическая повесть) и «Психологическая Сью» (повесть провинциальная); было «Наваждение» (набросок), «Ненависть» (ноктюрн) и прочее в том же духе.

Я честно читал их, как ни странно – устал, увидел сказки братьев Grimm и закричал от радости. Наконец-то, наконец хоть капелька здравого смысла! Я открыл книгу, и взгляд мой упал на дивные, утешительные слова: «Драконова бабушка». Вот это разумно, вот это здраво, вот это правильно. «Драконова бабушка»!..

Смакуя это простое, человеческое понятие, я поднял взор и увидел в дверях чудовище в зелёном галстуке.

Надеюсь, я слушал его вежливо, но, когда он между прочим заметил, что не верит в сказки, я не совладал с собой.

«Кто вы, о пришелец, – спросил я, – кто вы, чтобы в них не верить? Гораздо легче поверить в Синюю Бороду, чем в вас. Синяя Борода – несчастье, но есть зелёные галстуки, которые не назовёшь иначе как пороком.

Много легче поверить в миллион сказок, чем в человека, который их не любит. Я скорее поцелую Гриммов, как Библию, и присягну на них, чем поверю, что вы – не наваждение, не искушение, не чары.

«Драконова бабушка»... Послушайте только, как это просто, здраво, разумно, до безупречности логично. Если был дракон, значит, у него была бабушка. А вот у вас бабушки не было! Бабушка научила бы вас любить сказки. У вас не было ни отца, ни матери. Вас просто не может быть».

Мне показалось, что он внимает мне без должной кротости, и я заговорил мягче. «Неужели вы не видите, – сказал я, – что сказки по сути своей основательны и правдивы, а нескончаемые выдумки о современной жизни немыслимы и пусты? В сказках душа здорова, мир – полон чудес. В реалистическом романе мир уныл и привычен, а душа корчится от боли.

Сказка говорит о том, что делает здоровый человек в краю чудес; современный роман – о том, что делает безумец в мире скуки. В сказках мир свихнулся, но герой сохранил рассудок. Герой современного романа, свихнувшийся ещё до первой строчки, страдает от жестокой рутины, от злой разумности мира. В прекрасном повествовании о драконовой бабушке, как и во всех сказках, само собой разумеется, что юноша, выходящий в путь, наделён всем, чем нужно, – что он смел, доверчив, разумен, почитает родителей, держит слово, помогает другим, бросает другим, «parcet subjectis et debellat...» (Щадит смиренных и крушит (надменных) (лат.). – Слова из «Энеиды» Вергилия (IV, 583).)

Приняв эти здоровые и добрые свойства, автор, на радость себе и другим, воображает, что случится, если всё вокруг покатится кувырком, солнце позеленеет, месяц посинеет, лошади обзаведутся лишней парой ног, а великаны – лишней головой. Но ваша модная литература ставит в центр безумие, и само безумие оказывается скучным.

Сумасшедший не дивится себе, он серьёзен, на то он и безумец. Тот, кто считает себя варёным яйцом, дивится себе не больше, чем яйцу. Тот, кто считает себя кастрюлей, обычен, как кастрюля. Только здравомыслию ведома дикая поэзия безумия. Вот почему в старых мудрых сказках герой обычен, события – безумны. У вас безумен герой, а события обычны, так нестерпимо обычны!»

Он смотрел на меня в упор, и я не выдержал. Я вскочил и крикнул: «Во имя демократии и драконовой бабушки, во имя всего хорошего на свете заклиная тебя: сгинь и не ступай на этот порог!» Заклинание ли подействовало или что иное, но он исчез.

(Текст воспроизведён по изданию: Честертон Г. К., Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Вечный Человек. Эссе / Пер. с англ.; Сост. и. общ. ред. Н.Л. Трауберг. – СПб.: Амфора, 2000.)